

Американо-российские отношения при Буше и Путине

Респондент: Андрей Кортунов

С 2011 Генеральный директор Российского совета по международным делам

Интервьюер:

Иван Грек

The Bridge Research Network

Дата интервью:

7 сентября 2021 г.

Редакционное примечание и дисклеймер:

Эта транскрипция прошла проверку на точность в соответствии с правилами академического сообщества и высокими стандартами транскрипции. Центр Президентской Истории ставит своей целью отразить слова респондентов с максимальной точностью. Все видеозаписи интервью содержат неотредактированные ответы и представляют исходные версии слов, сказанных интервьюируемыми.

Для того, чтобы облегчить чтение транскрипций, из них были удалены элементы прямой речи, такие как фальстарты, незаконченные слова и слова-паразиты (например, «вы знаете»). Окончательные транскрипции будут соответствовать стандартным практикам изучения устной истории. Редакторы согласуют все транскрипции с окончательным Центром президентской истории.

Предложения правок и вопросы могут быть адресованы к редакторам по адресу cphinfo@smu.edu.

Цитата

Андрей Кортунов, интервью Ивана Грека, 7 сентября 2021 г. Проект коллективной памяти «Российско-американские отношения при Буше и Путине», Центр президентской истории, Южный методистский университет.

[Начинается транскрипция]

ГРЕК: Когда Джордж Буш стал президентом в январе 2001, какой работой вы занимались и как пришли на свою позицию?

КОРТУНОВ: В январе 2001 я возглавлял Московский общественный научный фонд, занимался главным образом вопросами социального развития, поддержки образования гражданского общества. А до этого я работал заместителем директора института США и Канады в Российской Академии Наук.

ГРЕК: Когда Владимир Путин пришел к власти, какие у вас были ожидания от этого президента, и какие были предположения? Как должна была измениться международная политика России?

КОРТУНОВ: У меня как, я думаю, и у многих людей в Москве, и в России в целом, были очень активные, так сказать, надежды на то, что российская внешняя политика станет более энергичной, более наступательной. Конечно, все ждали нового президента, учитывая то, что у его предшественника были проблемы со здоровьем. В общем, было ясно, что нужно обновление: обновление не только на уровне руководителя страны, но и на уровне аппарата, на уровне многих министерств и ведомств. Поэтому у меня были самые радужные ожидания от нового президента: молодого, энергичного, непьющего и т.д.

ГРЕК: В июне 2001 года Путин и Буш встретились в Словении, [00:02:00] после чего начались разговоры о том, что между ними зародилась химия. Как вы

считаете появились между ними какие-то личные отношения, если появились стали ли они влиять на развитие международных отношений и влиять на ход истории?

КОРТУНОВ: В каком-то смысле, да, мне кажется, встреча в Словении была важной и для установления личных отношений, и для выяснения позиций двух стран по ключевым международным вопросам. Но, насколько я помню ситуацию, лето 2001 года: администрация Буша изначально не относила Россию к главным внешнеполитическим приоритетам Соединенных Штатов, то есть, да, Россия признавалась в качестве важного международного игрока, но не более того. У Буша были другие планы, связанные с другими регионами, поэтому хотя эта встреча была и важной, но, я думаю, что последующие события сыграли большую роль в развитии отношений, чем эта первая встреча.

ГРЕК: Не могли бы вы оценить, как отреагировал Кремль на выход США из договора об ограничении систем противоракетной обороны? И повлияло ли кардинально это решение США на развитие отношений?

КОРТУНОВ: Думаю, что да. Вообще надо сказать, что на протяжении еще 90-х годов, мне даже приходилось немного участвовать в этой работе. Предпринимались очень энергичные последовательные усилия [00:04:00] с тем, чтобы предотвратить выход США из этого договора.

И были самые разные встречи, на разном уровне: официальные, неофициальные, экспертные, военные, гражданские. Предлагались разные варианты спасения этого договора, в том числе, возможно, подготовка новой редакции договора или согласование каких-то протоколов к этому договору, где Соединенные Штаты получали бы право на какие-то работы в области противоракетной обороны. И вот эта вот деятельность продолжалась на протяжении практически всего срока президента Клинтона. Думаю, что в России были надежды, что и президент Буш не пойдет на выход из договора, тем более, что если вспомнить ситуацию 20-летней давности, то каких-то вот технических наработок, которые бы делали необходимым выйти из договора и начать непосредственное развертывание каких-то систем противоракетной обороны — тогда не было. Поэтому выход из договора скорее был таким символическим жестом — декларация о намерениях.

И это был, пожалуй, первый очень серьезный удар по взаимному доверию, по представлениям в России о надежности Соединенных Штатов в качестве партнера. И не случайно Путин потом в каждом своем поганом выступлении неизменно ссылался на выход США из договора о ПРО.

[00:06:00] И, наверное, до выхода Соединенных Штатов из договора по РСМД, не было такого эпизода, когда в России бы вот так болезненно отнеслись к одностороннему американскому решению.

Насколько здесь предъявлялись претензии самому президенту Бушу, мне сказать трудно. Думаю, что многие в России полагали, что это решение было результатом деятельности так называемого глубинного государства, то есть тех чиновников в Пентагоне, может быть, и в других ведомствах, которые это решение лоббировали на протяжении всех 90-х. Но выход Соединенных Штатов из этого договора, насколько я помню, решение было принято в самом конце 2001 года, а вышли Соединенные Штаты в середине 2002 года. Это, конечно, был серьезный удар по доверию между Москвой и Вашингтоном.

ГРЕК: Некоторые коллеги говорят о том, что выход из этого договора запустил процесс по созданию сверхзвуковых ракет в России. Как бы оценили такие утверждения?

КОРТУНОВ: Ну сейчас уже сложно сказать, что запустило этот процесс. Конечно, в любом цикле модернизации стратегических ракет есть своя логика — это, в общем-то, долгосрочные циклы. Но я допускаю, что выход Соединенных Штатов из этого договора, опасения, которые этот выход породил, что Соединенные Штаты при определенных условиях могут постараться снизить эффективность российского [00:08:00] сдерживания и получить, по крайней мере, теоретическую возможность для первого обезоруживающего удара: я думаю, что это повлекло за собой очень многие решения, и в том числе ускорило цикл модернизации российских ядерных систем, возможно, и

решение о разработке ракет нового поколения тоже было в какой-то степени связано с выходом Соединенных Штатов.

ГРЕК: Какое было отношение к НАТО в начале 2000-х? Как Россия относилась к североатлантическому блоку?

КОРТУНОВ: Ну отношение было неоднозначным, поскольку, с одной стороны, было желание расширения сотрудничества с НАТО. Как вы помните, был саммит Россия-НАТО в Риме, где удалось договориться о создании Совета Россия-НАТО, были подписаны документы, предполагающие стратегическое партнерство, что Россия и НАТО...

А с другой стороны, уже тогда был опыт интервенции НАТО в Югославию, который, конечно, не мог приветствоваться Москвой, поскольку действия НАТО в Югославии рассматривались как нарушение международного права, как агрессия, поскольку понятно, что как не относишься к правительству Милошевича, но в общем никакой угрозы для членов НАТО это правительство не могло создать и не создавало. Можно спорить о масштабах геноцида в [00:10:00] Косове — вообще был ли этот геноцид — но то, что это решение было принято в обход Организации Объединенных Наций, то, что этот вопрос не рассматривался даже в ОБСЕ, и то, что в общем речь шла об односторонних действиях, конечно, уже тогда вызывало неприятие, раздражение, по крайней мере, у значительной части российской политической элиты.

Но при этом были надежды на то, что Россия сможет в каком-то смысле повлиять на НАТО, если получит развитие Совет России НАТО, другие формы сотрудничества, ну и как вы знаете, президент Путин в самом начале своего правления даже, в общем, говорил, что он не исключает при определенных условиях вхождение России в НАТО, ну при условии, главным образом, если НАТО будет преобразован в какую-то другую более инклюзивную систему коллективной безопасности.

Тогда, конечно, ставился вопрос прежде всего о подключении России к политическим институтам блока. Некоторые даже полагали, что Россия может уподобиться Франции, то есть не входить, тогда Франция вышла, как вы знаете, при Саркози Франция не входила в военные структуры североатлантического альянса, по крайней мере, полностью, но была активным участником политических институтов. Ну вот, в общем, считалось, что при определенных условиях, при определенных обстоятельствах, Россия могла бы уподобиться Франции. Ну этот период был не очень длительным, но тем не менее такие точки зрения имели хождение в начале века. [00:12:00]

ГРЕК: В скором времени после встречи в Словении произошел теракт 9.11. Вы помните, как вы узнали об этом теракте? Какие реакции были в Кремле, и как он повлиял на развитие политики?

КОРТУНОВ: Ну, если говорить обо мне лично, то я, можно сказать, наблюдал этот теракт собственными глазами, поскольку был не только в Нью-Йорке, но был

в downtown. В общем, видел как все это происходило, конечно. Сильные впечатления произвело. И последующие события, когда изолировали Манхеттен и когда закрыли аэропорты, вот, ну меня больше всего, конечно... И там были, очень много было ложных тревог, когда вроде как обнаруживали какие-то бомбы в зданиях, люди выбегали.

Но в принципе, я должен отметить, что я очень оценил выдержку нью-йоркцев, которые не поддались панике, не было никаких, то, что называется looting. Вообще город отреагировал с моей точки зрения очень достойно на это событие неприятное, и нью-йоркцы проявили похвальную выдержку. Я даже хотел кровь сдавать, но как иностранцу мне это не позволили.

Вот, но если говорить о российской реакции, то, конечно, была волна симпатии к Соединенным Штатам, причем и в обществе, и в политической элите: Путин был один из первых кто позвонил президенту Бушу и предложил поддержку и помощь. И тогда, хочу напомнить, сейчас много говорят о провале американской миссии в Афганистане, но, в общем-то, миссия началась при полной поддержке [00:14:00] со стороны всех членов международного сообщества, включая Россию, была быстро принята резолюция Совета Безопасности ООН, которая обосновывала эту миссию. Россия не возражала против развертывания американской военной инфраструктуры в Центральной Азии. А более того, вот этот северный транспортный коридор проходил по территории России: грузы НАТО шли по

российским железным дорогам. То есть, тогда, конечно, симпатия к Соединенным Штатам была очень высокой, и вообще, так сказать, опросы общественного мнения показывали, что отношение к американцам в подавляющем большинстве российского общества было очень благоприятным.

ГРЕК: В скором времени начинаются и иракские кампании. Как отреагировал Кремль и Россия на ввод войск в Ирак? Какие стороны были в России, дебаты, по поводу участия/неучастия страны в американской кампании в Ираке?

КОРТУНОВ: Ну конечно, между Афганистаном и Ираком есть принципиальная разница, поскольку, да, афганская операция была легитимной. Иракская операция прошла помимо Совета Безопасности ООН и даже помимо НАТО. Ну и понятно почему, да, потому что не было единства даже внутри североатлантического блока: против [00:16:00] вооруженной интервенции в Ираке выступила Франция, Германия, Бельгия, еще несколько стран, и основания для этой интервенции были гораздо менее убедительными, чем в случае с Афганистаном. В общем, Россия до последнего момента пыталась предотвратить эту интервенцию, и в этом стремлении Россию в общем поддерживала ОЗХО, тогда Бликс возглавлял Организацию по запрещению химического оружия, и нужно было дополнительное время для того, чтобы проверить возможное наличие химического оружия в Ираке.

Но Буш-младший очень хотел этой войны. И все мы помним, как выступал Колин Пауэлл, потом эти кадры, в общем, часто воспроизводились российскими СМИ, как пример американского лицемерия и как пример, в общем, американского нежелания считаться с нормами международного права. Ну была, конечно, какая-то группа людей в России, которые настолько неприязненно относились к Садам Хусейну, учитывая многие действия этого правительства. Была группа, которая считала, что американцы все равно делают правильно, поскольку с этим [00:18:00] режимом надо что-то делать, даже если предлог надуманный, но в общем, надо все равно, режим надо менять. Но это была очень незначительная группа радикальных либералов, а большинство людей в России, имеющих отношение к принятию решений во внешней политике, как мне кажется, были настроены против и предсказывали самые печальные последствия для этой интервенции.

Тогда вообще были надежды, что, может быть, удастся сохранить такую вот такую коалицию России, Германии, Франции для противостояния односторонним действиям США. Вот, ну этого в итоге не получилось, но тем не менее вот в тот момент, в 2003 году, такие надежды были.

ГРЕК: Следующим важным этапом в международных отношениях были цветные революции, которые прошли в постсоветском пространстве. Как Россия восприняла эти события?

КОРТУНОВ: Ну говорить о России в целом, наверное, было бы не совсем корректно.

Разные люди воспринимали это по-разному: кто-то с опасениями, кто-то с надеждой. Но если говорить о российском руководстве то, мне кажется, что, конечно, опасений было гораздо больше, чем надежд. И мне кажется, что уже тогда доминировала такая точка зрения, что эти цветные революции так или иначе инспирированы Западом, [00:20:00] что Запад, Соединенные Штаты в первую очередь, конечно, проводил политику дестабилизации политической обстановки на территории постсоветского пространства, что целью западной политики было ослабление российского влияния, и Запад был готов посеять хаос, если этот хаос содействовал ослаблению влияния России. Поэтому, конечно, уже тогда вот эти цветные революции воспринимались российским руководством как вызов, как вызов Москве, как вызов российской политике.

Тем более, что тогда, в общем, были популярны планы реинтеграции постсоветского пространства вокруг Москвы. Естественно, что эти цветные революции, они же затрудняли реализацию подобных планов. Большинство тех стран, где такие революции победили, они начинали ориентироваться больше... [ЗВНОК] То есть, конечно, даже в тех случаях, когда эти цветные революции не были направлены непосредственно против России, они очень часто меняли внешнеполитические приоритеты стран, где они происходили, то есть эти страны начинали все больше и больше ориентироваться на западные структуры, на Европейский Союз, на НАТО. И,

конечно, я думаю, что это вызывало определенное раздражение в российском руководстве, [00:22:00] поскольку рассматривалось как препятствие для новой консолидации постсоветского пространства.

ГРЕК: Во время этих революций активизировалась тема «третьего сектора», в скором времени, в 2005 году, Буш приехал на празднование Дня Победы в Москву и перед этим встретился с представителями НКО, диссидентами и так далее. Как, по-вашему, Кремль и администрация восприняли этот сигнал? Что это было?

КОРТУНОВ: Ну, я думаю, что это было wake up call, если хотите, что вот администрация, российское руководство слишком мало внимания уделяет «третьему сектору», и потому этот вакуум заполняется иностранными организациями и, конечно, в то время российский «третий сектор» находился под значительным влиянием западных партнеров, у которых была своя повестка дня, и которые в каком-то смысле формировали этот «третий сектор».

Тогда же не было ни общественных палат, ни советов при президенте, которые должны были строить гражданское общество. И то, что происходило, в том числе и речь президента Буша, заставило российское руководство обратить более внимание на проблемы «третьего сектора» и на формирование своей [00:24:00] концепции взаимодействия третьего сектора и власти.

И вот здесь очень важно, что если в Соединенных Штатах очень часто «третий сектор» воспринимается как такой конструктивный оппонент власти, то есть как сила, которая способна обратить внимание на проблемы, на какие-то нерешенные задачи, на ошибки власти, то в России, естественно, был взят курс на формирование третьего сектора, как партнера и помощника власти, то есть как силу, которая могла бы взять на себя какую-то часть функций, до которых у власти по разным причинам руки не доходили. То есть, тогда уже началось такое расхождение в понимании того, а что собственно такое «третий сектор» в современных условиях, и как он должен работать. Ну в те годы такое расхождение представлений не было еще острым, но тогда были заложены те проблемы, которые стали более явными в последующий период.

ГРЕК: Коллеги из штатов говорили о том, что работа с «третьим сектором» использовалась во многом как посыл сигналов, то есть не обращение внимания на НКО — позитивный сигнал, обращение внимание на НКО — негативный сигнал в сторону России. Вы видели это сигнализирование? Оно существовало по-вашему?

КОРТУНОВ: Со стороны США?

ГРЕК: Да.

КОРТУНОВ: Ну, понимаете, я довольно много работал в «третьем секторе», в том числе и плотно работал со многими американскими фондами. И, конечно,

картина очень [00:26:00] пестрая. То есть, да, есть государственная политика, в России тогда активно работал USAID и другие организации, связанные с американским правительством, конечно, их деятельность: она как-то коррелировалась с общей политикой Соединенных Штатов в отношении России: они могли посылать такой сигнал. То есть, скажем, Американское агентство международного развития могло выстроить свои приоритеты в пользу поддержки, допустим, образования и местного самоуправления, а могло сделать больший акцент на правозащитную деятельность—и это могло быть сигналом и для российских партнеров.

Но в Соединенных Штатах, конечно, большую роль всегда играли и продолжают играть частные фонды, частные благотворительные организации и частные НКО, и они в отличии от того, что многие здесь считают, они не получают указаний из государственного департамента. Ну вот, например, взять даже того же хрестоматийного Джорджа Сороса, я хорошо знаю, что тот относился к Джорджу Бушу крайне негативно и даже участвовал в каких-то кампаниях, и финансовых кампаниях, призванных не допустить переизбрание Буша в [200]4-ом году. Поэтому, конечно, ожидать, что Институт открытого общества Джорджа Сороса бегал бы в государственный департамент за указаниями и наставлениями, ну с моей точки зрения, было бы немножко наивно.

Другие фонды, ну не знаю, фонд Форда, скажем, который здесь был представлен, фонд Макартуров: они тоже по своей идеологии очень сильно отличались от [00:28:00] республиканской партии, они с моей точки зрения, гораздо были ближе [00:28:00] к демократам, причем даже к таким левым демократам, поэтому, конечно, заставить эти фонды посылать сигналы от имени американского правительства Кремлю, ну мне кажется, эта задача была невыполнимой, поэтому я бы здесь не делал таких обобщений, если не говорить конкретно о тех программах, которые шли по линии американских государственных организаций помощи.

ГРЕК: Президент Путин произнес известную речь на Мюнхенской конференции по безопасности в феврале 2007-го года, в которой подверг критике Соединённые Штаты; коллеги, у которых мы брали интервью в Соединенных Штатах сказали, что они были удивлены таким поворотом российской риторики, ведь администрация Буша признавала несогласие Кремля по выходу из договора по ПРО, вторжением в Ирак и расширением НАТО, но американские официальные лица по-прежнему считают, что президент Путин не понимал причину этих шагов и считают, что разногласия могли быть либо косвенно решены, либо могли стать предметом переговоров. Как вы лично отреагировали на Мюнхенскую речь? Согласны ли вы с утверждением, что это было overreaction? И как бы вы оценили в принципе популярность и значимость этого выступления в России?

КОРТУНОВ: Ну меня тоже эта речь удивила, то есть, я не ожидал такой жесткой позиции со стороны российского президента, но хочу напомнить, что это все-таки была речь на Мюнхенской конференции. И сам Путин тогда говорил, вот, поскольку это неофициальные переговоры, что это не его такое программное заявление, то он может себе позволить сказать то, что он думает. И в этом [00:30:00] смысле, да, она была очень прямолинейной, очень откровенной [00:30:00] и она была очень недвусмысленной и, действительно, она отражала, мне кажется, реальную обеспокоенность со стороны Российского руководства по поводу формирования вот этого пресловутого однополярного мира.

Можно ли было все это как-то смягчить? Думаю, что, наверное, да. И если вы помните, уже к концу пребывания у власти Буша-младшего, была встреча Путина и Буша в Сочи, где они пытались как-то по-хорошему договориться в том числе по тем вопросам, которые вызывали озабоченность у российской стороны. То есть попытка такая, безусловно, была, но, как мне кажется, в итоге в Москве пришли к выводу, что сам Буш-то — человек хороший, и с ним-то можно было о чем-то договориться, но вот этот Вашингтонский истеблишмент, эта бюрократия, это глубинное государство: они все равно не позволят хорошему парню Джорджу Бушу занять правильную позицию, они все равно будут настаивать на праве Соединённых Штатов принимать односторонние решения, они все равно будут занимать по

ключевым вопросам мировой политики антироссийские позиции, или по крайней мере позиции без учета интересов России.

И поэтому последние полгода президента Буша: они прошли на такой уже минорной ноте. Конечно, надо учитывать еще и события на южном Кавказе, которые [00:32:00] смазали завершение этой администрации [00:32:00] и загнали российско-американские отношения в серьезный кризис, который потом пытался преодолеть уже президент Обама со своей перезагрузкой.

ГРЕК: Почему личные отношения между Путиным и Бушем не привели к более прочному сотрудничеству? Существуют ли в российско-американских отношениях фундаментальные принципы или интересы, которые не позволяют достичь дружеских отношений даже под прямым воздействием первых лиц?

КОРТУНОВ: Я думаю, что проблема российско-американских отношений, в том числе и в годы администрации Буша, заключалась в том, что стороны не нашли позитивной основы для такого взаимодействия. То есть фактически наши отношения остались в рамках модели холодной войны. Да, контроль над вооружениями, безусловно — важный аспект, да, какие-то вопросы, касающиеся нераспространения ядерного оружия, региональные кризисы, но этого недостаточно для того, чтобы стабилизировать отношения.

К сожалению, сейчас и тогда в Соединенных Штатах не сформировалось сильных лоббистских групп, которые бы продвигали идею более конструктивного диалога с Москвой, но и здесь, в России, не сложилось достаточно мощных представительных групп бизнеса, которые могли бы существенно влиять на политику России на американском направлении.

То есть, эта задача не была решена в годы администрации Буша; она не была решена и позднее. Поэтому отношения, к сожалению, всегда оставались заложниками политической конъюнктуры [00:34:00]. Вот сейчас конъюнктура такова, что в общем, надеяться на серьезные улучшения вряд ли возможно.

[КОНЕЦ АУДИО/ВИДЕОФАЙЛА]